

Ба 855

М. Б. [АГДАНОВИЧ]

БЕЛОРУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ .

Ба 855

Для отзыва

Бѣлорусское возрожденіе.

I.

Приступая къ характеристикѣ и описанію бѣлорусскаго національнаго движенія, опредѣлимъ прежде всего соотношение между нимъ и общеевропейскимъ прогрессомъ. Основные линіи этого послѣдняго обозначились твердо и ясно: именно, онѣ ведутъ въ сторону все болѣе и болѣе увеличивающагося дробленія культуръ вообще и литературъ въ частности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бѣлаго обзора цѣли наиболѣе значительныхъ и выпуклыхъ фактовъ изъ исторіи европейскихъ культуръ.

Отступивъ отъ современной пестрой и многоязычной литературной жизни вглубь, ко временамъ средневѣковья, мы очутимся въ эпохѣ, когда единственнымъ крупнымъ орудіемъ духовной культуры въ области слова былъ латинскій языкъ, игравшій роль языка интернаціональнаго. Всякій нечуждый умственнымъ интересамъ человѣкъ, въ какой бы точкѣ Западной Европы онъ тогда ни жилъ, непременно былъ съ нимъ знакомъ, такъ какъ знакомство это являлось необходимымъ условіемъ всяческаго образованія. Почти все, что писалось въ это время, писалось по-латыни. Итоги обширной литературы, возникшей такимъ путемъ, давно уже подведены и оказываются весьма многозначительными. Изъ нихъ видно, что несмотря на свою разработанность латинскій языкъ оказался пригоднымъ только лишь для научныхъ трудовъ; что же касается художественнаго творчества, то здѣсь въ теченіе цѣлыхъ столѣтій никакихъ истинныхъ цѣнностей не возникло.

Однако эти цѣнности сразу же начали создаваться, когда писатели (во главѣ съ Дантомъ) обратились къ народнымъ европейскимъ языкамъ,—итальянскому, французскому, нѣмецкому, англійскому, испанскому,—языкамъ грубымъ, необработаннымъ, но живымъ. Конечные результаты

этого движенія на-лицо: единая для всѣхъ странъ, общекультурная литература исчезла, а ея мѣсто заняли основныя европейскія литературы, обозначившія областями своего распространенія границы нѣсколькихъ наиболѣе значительныхъ культуръ.

Однако описываемый процессъ на этомъ не только не остановился, но, неудержимо развиваясь, расширялъ и углублялъ свое русло и возрасталъ, такъ сказать, не въ арифметической, а въ геометрической прогрессіи. Вслѣдъ за культурами крупнаго калибра на историческую сцену выступилъ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ: португальская, голландская, румынская, чешская, ново-греческая, сербская, болгарская, фламандская, кельтская, финская, эстонская, литовская, латышская, грузинская, армянская, татарская и т. д. Это движеніе, докатившее свои волны до нашего времени, съ каждымъ годомъ все болѣе растетъ, крѣпнетъ и, расширяя сферу своего вліянія, захватываетъ даже такія народности, какъ чуваша, черемисы, эскимосы и т. п.

Видное мѣсто въ этомъ грандіозномъ сдвигѣ занимаетъ процессъ размежеванія родственныхъ культуръ. Одни разносоставные культурные массивы прямо расплзаются по шву, примѣромъ чего является обособленіе трехъ скандинавскихъ культуръ, издавна слипшихся, но не слившихся въ одно цѣлое. Отъ другихъ отслаиваются болѣе слабыя, близкія къ нимъ по происхожденію, но все-же не тождественныя съ ними національно-культурныя единицы ¹⁾. Отъ чешской культуры откалывается словацкая, сербской—словинская, польской—кашубская, отъ русской (великорусской) отслоилась украинская и, наконецъ, бѣлорусская ²⁾. Такимъ образомъ, передъ нами въ лицѣ этой послѣдней находится не монстръ, не раритетъ, не уникамъ, а глубоко

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать и развитія литературъ на мѣстныхъ языкахъ, не являющихся, однако, органами отдѣльныхъ культуръ. Т. к. въ Италіи возникаютъ художественныя произведенія на всѣхъ ея 15-ти языкахъ, въ Испаніи растетъ каталонская литература, во Франціи—провансальская и т. д.

²⁾ Напомнимъ, что бѣлоруссы сплошной массой заселяютъ всю Могилевскую губернію, Минскую (кромѣ Мозырскаго уѣзда), сѣверную часть Гродненской, восточную—Виленской, всю Витебскую губ., кромѣ ея верхняго угла, сѣверную часть Черниговской (уѣзды Мглинскій, Суражскій, Новозыбковскій и Стародубскій), а также прилегающіе ко всей этой области части губерній Сувалкской, Ковенской, Смоленской. Бѣлорусское населеніе этой территоріи исчисляется 8 милліонами.

жизненное явление, находящееся въ руслѣ общеевропейскаго прогресса. Присмотримся же ближе къ ея прошлому и настоящему.

Бѣгло выбирая и суммируя факты, по своей общепризнанности спору не подлежащія, мы убѣждаемся, что бѣлорусская культура отнюдь не является простымъ вариантомъ культуры великорусской. Наоборотъ, въ ихъ лицѣ передъ нами находятся два самостоятельныхъ культурныхъ комплекса, съ самаго же начала росшихъ и развивавшихся независимо другъ отъ друга. Разнься между собою и по бытовымъ первоосновамъ, и по влїяніямъ, направленнымъ извнѣ, и по событіямъ дальнѣйшей исторической жизни, они, естественно, пришли къ далеко не тождественнымъ конечнымъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что уже къ концу XIII ст. (по авторитетному свидѣтельству проф. Карскаго) бѣлорусская народность выступаетъ сформировавшейся въ своихъ основныхъ чертахъ, опередивъ въ этомъ отношеніи народность великорусскую, которая, такимъ образомъ, не могла влїять на процессъ возникновенія ея. Отсутствие экономическихъ скрѣпъ между ними, географическія условія, изолировавшія Бѣлоруссію отъ сѣверо-восточныхъ земель,—все это оставляло еще меньше мѣста для какого-либо взаимодействія. Наконецъ, въ томъ же XIII вѣкѣ подошли они и къ государственному распутью, что еще рѣзче обособило ихъ: Бѣлоруссія цѣликомъ оказалась въ границахъ В. К. Литовскаго, а великорусскія области сгруппировались вокругъ Москвы. Съ этого времени жизнь обоихъ данныхъ народовъ, равно какъ и историческія судьбы ихъ надолго утрачиваютъ всякую общность.

Что касается великорусскаго народа, то ходъ его развитія общеизвѣстенъ. Ассимилировавъ массу финскихъ племенъ, усвоивъ ихъ приспособленный къ окружающимъ условіямъ бытовой укладъ и, слѣдовательно, отклонившись отъ исконнаго славянства какъ антропологически, такъ и культурно, онъ въ довершеніе всего пережилъ эпоху татарщины и оказался почти совершенно отрѣзаннымъ отъ Западной Европы.

Судьбы Бѣлоруссіи сложились иначе. Войдя полностью въ составъ В. К. Литовскаго, она ощутительно перетянула тяжестью своей культуры на вѣсахъ исторіи Литву и, при-

обрѣтя надъ ней пріоритетъ, продолжала развиваться на своихъ древне-славянскихъ корняхъ. „Писарь земски (т.е. государственный канцлеръ) маеть по-руску (т.е. по-бѣлорусски) литерами и словы рускими вси выписы, листы и позвы писати, а не инымъ языкомъ и словы“,—гласила знаменитая фраза тогдашняго закона (статуть 1588), а это значило, что государственная жизнь В. К. Литовскаго должна была проявляться въ бѣлорусскихъ національныхъ формахъ. На бѣлорусскомъ языкѣ творился судъ, по-бѣлорусски писались акты и грамоты, велись сношенія съ иностранными государствами, бѣлорусскій же языкъ, наконецъ, являлся обиходнымъ для великаго князя и его придворныхъ. Но закрѣпленіе и развитіе старыхъ культурныхъ основъ являлось лишь одной стороною въ процессѣ поступательнаго движенія бѣлорусской національности. Быть можетъ, не менѣе крупное значеніе имѣло сближеніе ея съ Западной Европой, съ которой она издавна вела оживленныя сношенія, благодаря связямъ какъ географическимъ, такъ и экономическимъ. Это сближеніе тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить, что именно съ той поры въ выработкѣ бѣлорусской культуры участвуетъ не только сѣрая деревня, но и торговый городъ европейскаго типа,—городъ, организованный на основахъ магдебургскаго права. Онъ сдѣлалъ бѣлорусскую культуру болѣе красочной, многогранной, ввелъ ее въ оборотъ западно-европейской жизни и сталъ, такимъ образомъ, передовымъ форпостомъ Западной Европы на востокъ.

Неудивительно поэтому, что въ эпоху Возрожденія общій умственный подъемъ, начавшійся на Западѣ, отразился и въ Бѣлоруссіи. Ключомъ забила тутъ жизнь, шла, причудливо переплетаясь, горячая религіозная, національная и классовая борьба, организовывались братства, бывшія оплотомъ бѣлорусской народности, закладывались типографіи, учреждались школы съ неожиданно широкой по тому времени программой (въ нѣкоторыхъ преподавалось пять языковъ), возникали высшія учебныя заведенія (юридическая школа имени св. Яна, Полоцкая академія съ правами университета и т. д.). Все это придадо широкій размахъ книгопечатанію, только-что успѣвшему сдѣлать въ Бѣлоруссіи нѣсколько первыхъ шаговъ. Основу ему положилъ одинъ изъ лучшихъ представителей нарождавшейся тогда бѣлорусской интеллигенціи, докторъ медицины и бакка-

лавръ „семи свободныхъ наукъ“ Францискъ Скорина изъ славнаго града Полоцка. Еще въ 1517—19 гг. Скорина издалъ въ Прагѣ чешской „библію“ зуполную“, переведа ея на бѣлорусскій языкъ, а затѣмъ съ 1625 г. началъ „выдавать“ свои „битыя“ книги въ самой Вильнѣ. Онъ, правда, не нашель себѣ непосредственныхъ преемниковъ, но когда лѣтъ черезъ 40—50 въ Бѣлоруссіи началось только-что описанное мощное движеніе, печатная бѣлорусская книга сыграла въ немъ свою роль. Въ различныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи заработали печатные станки, выбрасывая книги церковныя, полемическія, апологетическія, ученія, учебныя¹⁾. Существеннымъ дополненіемъ къ „друкованой“ литературѣ явилась литература письменная, составъ которой былъ еще разнообразнѣе. Особаго упоминанія заслуживаютъ нѣкоторыя художественныя произведенія, каковы, напримѣръ, прекрасная повѣсть о Тристанѣ и Изольдѣ, видѣніе Тундала, сказаніе о Троѣ, длинный фантастическій рассказъ объ Александрѣ Македонскомъ—Александрія и т. п. Параллельно этому шла созидательная работа и въ другихъ областяхъ духовной жизни: отмѣтимъ хотя бы полоцкія стѣнныя росписи кисти Сальватора Розы. Все это, взятое вмѣстѣ, выдвигало Бѣлоруссію на одно изъ первыхъ мѣстъ среди культурнаго славянства, ставя ее далеко впереди Московщины,—тогдашняго славянскаго захолустья, питавшагося, какъ чужеядное растеніе, духовными соками Бѣлой Руси.

Однако вслѣдъ за описаннымъ „золотымъ вѣкомъ“ въ исторіи бѣлорусской культуры начался періодъ упадка. Пограничнымъ камнемъ между ними является дата уничтоженія въ государственномъ оборотѣ В. К. Литовскаго пользованія бѣлорусскимъ языкомъ и замѣна этого послѣдняго польскимъ. Къ указанному времени, т.-е. къ концу XVII столѣтія, летаргія бѣлорусской національной жизни обозначилась вполне ощутительно. Литовско-русское государство, съ 1569 г. связанное уніей съ Польшей, успѣло утратить львиную долю своей самостоятельности. Высшій и средній слой бѣлорусскаго дворянства очень быстро дена-

¹⁾ Отмѣтимъ среди нихъ Статутъ Великаго Княжества Литовскаго, изданный въ 1588 г. и являющійся капитальнѣйшимъ памятникомъ національнаго бѣлорусскаго права, выросшаго на основѣ юридическихъ началъ, заложенныхъ еще въ кievскій періодъ русской исторіи.

ціоналізувався. То же самое, хотя болѣе медленно и не въ столь рѣзкихъ формахъ, происходило среди мелкой шляхты и городского мѣщанства. Лишенный классовъ, крѣпкихъ экономически и культурно, придавленный крѣпостной зависимостью, бѣлорусскій народъ не только не могъ продолжать развитіе своей культуры, но не былъ въ состояніи даже просто сберечь уже добытое раньше. Лишь основные, первоначальные элементы культуры (въ родѣ языка, обычаевъ и т. п.) удержалъ онъ за собою, а все остальное, представлявшее собою, такъ сказать, „сливки“ его предыдущаго развитія, было ассимилировано, вобрано въ себя польской культурой и съ тѣхъ поръ фигурируетъ подъ польской этикеткой, будучи по существу бѣлорусскимъ.

Однимъ изъ наиболѣе печальныхъ проявленій указанного обнищанія бѣлорусской культуры, безспорно, слѣдуетъ признать почти полное исчезновеніе печатной книги на бѣлорусскомъ языкѣ. Однако этотъ языкъ, переставшій уже служить основой для культурнаго строительства въ Литовской Руси, все еще повсемѣстно господствовалъ въ домашнемъ обиходѣ многихъ слоевъ населенія, даже тяготѣвшихъ къ Польшѣ. Этимъ и объясняется широкое развитіе рукописной бѣлорусской литературы, идущее сплошь на протяженіи XVII, XVIII и отчасти XIX столѣтій. Характеръ она имѣла главнымъ образомъ чисто-практической (лѣчебники и т. п.), хотя нерѣдки были и исключенія. Нѣсколько поддерживало бѣлорусскую культуру униатское духовенство, такъ какъ униа была распространена почти исключительно среди простого народа и являлась въ краѣ какъ бы національной бѣлорусской религіей. Начиная съ конца XVIII столѣтія униатскимъ духовенствомъ на бѣлорусскомъ языкѣ произносились проповѣди, издавались религіозныя пѣснопѣнія ¹⁾ и т. п. Послѣднимъ проявленіемъ этой дѣятельности является изданный въ 1837 г. бѣлорусскій катехизисъ; черезъ два года произошло воссоединеніе униатовъ, катехизисъ сожженъ, проповѣдь на бѣлорусскомъ языкѣ воспрещена.

Еще больше значенія въ тогдашней бѣлорусской словесности имѣютъ произведенія юмористическаго характера. Уже въ XVII вѣкѣ можно отмѣтить остроумное сатириче-

¹⁾ Изъ нихъ извѣстны сборничекъ „Kantyczka“, изд. въ 1774 г., и отдѣльные стихотв. вещицы „Radujſia Boży narodzie“, „Nowa radaſć stala“, „Caru Chryste miły“, „Kaźuć ludzi“ и проч., вышедшія въ 1771, 1778 и 1792 г.г.

ское письмо на политическія и бытовыя темы, исходившее якобы отъ извѣстнаго краснослова Мелешки и разошедшееся въ массѣ списковъ по всей Бѣлоруссіи. Съ этого же времени ведетъ свое начало цѣлый рядъ бѣлорусскихъ комедій, писавшихся профессорами риторики изъ мѣстныхъ коллегій, а то и самими учениками. Назовемъ, напр., ксендза Цецерскаго, автора ком. „Dostóg przymuszony“ (1787 г.), его современника проф. риторики и поэзіи въ Забѣльской гимназійи К. Морашевскаго и проч. Живость бѣлорусской рѣчи—качество, весьма обычное въ произведеніяхъ этого рода. Наконецъ, въ половинѣ XVII же столѣтія появилась стихотворная сатира на протестантскаго пастора, написанная и напечатанная іезуитомъ. По-бѣлорусски въ ней говоритъ (и хорошо, замѣчу въ скобкахъ, говоритъ) крестьянинъ Seńko Naléwayko, пытающійся разобратъся въ проповѣди пастора, переполненной греческими цитатами. Сатира эта ¹⁾ была едва ли не первымъ бѣлорусскимъ стихотвореніемъ ²⁾. Она положила начало цѣлому ряду юмористическихъ стихотворныхъ вещицъ, обычно низкопробнаго достоинства, стремящихся къ тому же иной разъ посмѣяться не только на бѣлорусскомъ языкѣ, но и надъ бѣлорусскимъ языкомъ,—прекрасное мѣрило культурности мѣстнаго панства. Для образца укажемъ на плоское и написанное скверной рѣчью подражаніе „Энеидѣ“ Котляревскаго, принадлежащее перу смоленскаго помѣщика Ровинскаго (жилъ на рубежѣ XVIII—XIX стол., писалъ и по-русски). Наконецъ, къ послѣднимъ годамъ описываемаго періода намѣчается даже нѣкоторая радикально-демократическая струя. Объ ея наличности свидѣтельствуютъ, напр., трагическіе стихи крестьянскаго мальчика Петрука изъ-подъ Крошына, очень острая „Hutorka Nobilja z Rustikusom, abo szlachcica z chlopom“, хранящаяся въ бѣлорусскомъ виленскомъ (частномъ) музеѣ, и т. п. явленія. Но ихъ уже слѣдуетъ считать предвѣстниками новаго періода какъ въ исторіи края вообще, такъ и бѣлорусской литературы въ частности.

II.

Какъ извѣстно, присоединеніе къ Россіи первоначально не произвело рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни бѣлорусскаго

¹⁾ „Witanie ná Pierwszy Wiazd z Krolewca do Kadlubka Sáskiego Wileńskiego Ixa Herr. N. Lutermachra“, изд. въ Вильнѣ въ 1642 г.

²⁾ Нѣсколько строкъ изъ Библии Скорины, напоминающихъ собою стихи, я въ расчетъ не беру.

народа. Нивеллированіе его, подгонка подь общерусскій ранжиръ, отчетливо началось только съ сороковыхъ годовъ, когда было отмѣнено дѣйствіе литовскаго статута, уничтожена унія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспрещена проповѣдь по-бѣлорусски, воспрещено (негласно) печатаніе бѣлорусскихъ книгъ, конфискованы ранѣе отпечатанныя и т. п. Вотъ эти-то событія и проводятъ твердую разграничительную черту въ исторіи бѣлорускаго народа, а не простой фактъ расширенія географической карты Россіи. Именно съ нихъ началась въ жизни Бѣлоруссіи новая глава, какъ началась она благодаря этому и въ предлагаемой статьѣ. Достоинно вниманія, что и внутренній обликъ края къ этому времени началъ существенно мѣняться. Возникъ виленскій университетъ, появилась пресса, значительно увеличился спросъ на книгу, начала выкристаллизовываться интеллигенція. Въ умственный обиходъ все глубже и глубже входили демократическія идеи,—отзвукъ французской революціи и польскихъ возстаній. Видны эти идеи и въ указанныхъ уже образчикахъ радикальной литературы, и въ рѣчи съ призывомъ къ освобожденію крестьянъ, сказанной виленскимъ предводителемъ дворянства Завишей на сеймикѣ 1818 г., и въ уничтоженіи „прыгона“ у Хрептовича, Бжостовскаго и проч. Это вниманіе къ народу проявилось, конечно, и въ литературѣ, найдя себѣ къ тому же нѣкоторую опору въ царившемъ тогда романтизмѣ, такъ высоко ставившемъ народную сказку, пѣсню, легенду. Начали печататься бѣлорусскіе этнографическіе матеріалы (Чечоть и проч.), возникла на почвѣ мѣстнаго „патріотизма“ особая „краевая“ литература, главнымъ образомъ польская ¹⁾. Недостигаемымъ образомъ для этихъ произведеній былъ „Панъ Тадеушъ“ Мицкевича, далеко выдвинувшійся изъ границъ чисто-мѣстнаго значенія. Предметомъ „краевой“ литературы являлось описаніе Бѣлоруссіи, бѣлорусской природы, бѣлорусскаго крестьянства и мелкой шляхты, ихъ повседневной жизни и обычаевъ. Въ эти описанія нерѣдко проскальзывали произведенія бѣлорусскаго народнаго творчества, встрѣчалась и бѣлорусская разговорная рѣчь. Естественно, что дѣятели этого литературнаго теченія кое-что писали прямо по-бѣлорусски и пробовали иной разъ пустить въ печать какую-либо ходившую по рукамъ бѣлорусскую

¹⁾ Въ русской литературѣ можно отмѣтить произведенія Фаддея Булгарина, уроженца Витебщины, и нѣк. друг.

рукопись, обходя цензурный запретъ. Нѣсколько такихъ попытокъ можно зарегистрировать въ первой половинѣ 40-хъ годовъ. Въ „Маякѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“, альманахѣ „Rocznik Literacki“ (изд. въ Петербургѣ кружкомъ лицъ съ бѣлорусскими симпатіями), вышедшемъ за границей очеркѣ „Bielarus“ Рыпинскаго ¹⁾, книгѣ Барщевскаго „Zelazcic Zawalnia“ и проч. было такъ или иначе помѣщено нѣсколько бѣлорусскихъ стихотвореній ²⁾, впрочемъ, совершенно незначительныхъ. Часть ихъ принадлежитъ уже упомянутому Барщевскому, видному „краевому“ писателю того времени.

Болѣе цѣненъ вкладъ въ бѣлорусскую литературу, сдѣланный Яномъ Чечотомъ. Близкій другъ Мицкевича, онъ въ молодости участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ извѣстномъ тайномъ обществѣ „филоматовъ“, былъ въ 1823 г. сосланъ въ Оренбургъ, гдѣ прожилъ 10 лѣтъ, а затѣмъ возвратился въ Бѣлоруссію и до самой смерти занималъ должность библиотекаря въ Шорсовской библиотекѣ графовъ Хрептовичей. Искренній демократъ, горячо любившій бѣлорусскій народъ, онъ собиралъ и издавалъ произведенія народнаго творчества, писалъ по-бѣлорусски морализующаго характера брошюрки (онѣ, однако, не были напечатаны), а въ сборникѣ „Piosnki wieśniacze“ 1844 г. помѣстилъ десятка три своихъ бѣлорусскихъ стихотвореній, написанныхъ въ подражаніе народнымъ пѣснямъ. Стиль былъ выдержанъ Чечотомъ столь удачно, что эти пьески неоднократно перепечатывались разными этнографами въ качествѣ чисто народныхъ.

Всѣ эти пробы помѣстить украдкой въ печать нѣсколько бѣлорусскихъ вещицъ завершились появленіемъ въ 1846 г. пьесы „Sielanka“ В. Дунина-Марцинкевича, написанной отчасти по-польски, отчасти по-бѣлорусски (для цензуры названа польской). Вслѣдъ за этимъ бдительность цензуры усилилась, и въ исторіи бѣлорусскаго печатнаго слова наступилъ десятилѣтній антрактъ. Но, конечно, рукописная литература продолжала развиваться, хотя ея обликъ сильно измѣнился. Уже отмерла та часть ея, которая служила для повседневнаго практическаго обихода сельской шляхты и городского мѣщанства. На передній планъ выдвинулись

¹⁾ Тотъ же Рыпинскій сочинилъ правоучительную поэмку „Niaczyścik“, выдержавшую за границей три (?) изданія. Нехитрая по замыслу, она написана недурнымъ бѣлорусскимъ языкомъ.

²⁾ Напримѣръ, подъ видомъ народныхъ и т. п.

произведенія стихотворныя, очень часто юмористическія. Ихъ слабость объясняется безцѣльностью ихъ существованія: безграмотный народъ этихъ произведеній не могъ знать, для интеллигенціи же они не были хлѣбомъ духовнымъ, а лишь простымъ привѣскомъ къ литературѣ польской или великорусской. Подчеркиваемъ это, такъ какъ подобное положеніе вещей продолжалось до самаго послѣдняго времени и наложило глубокую печать на все прошлое бѣлорусской литературы; горе ея заключалось въ томъ, что у нея не было ни читателей, ни писателей,—были лишь любители бѣлорусской словесности. Впрочемъ, это не мѣшало появляться довольно интереснымъ бѣлорусскимъ произведеніямъ. Отмѣтимъ среди рукописей 40-хъ годовъ остроумную шуточную поэму „Тарась на Парнасе“, содержащую между прочимъ выпады противъ Греча и Булгарина. Написанная бойко, хорошей бѣлорусской рѣчью и безукоризненнымъ стихомъ, она впоследствии приобрѣла широкую популярность и переиздавалась десятка полтора разъ. Еще болѣе интереснаго находимъ мы на рубежѣ шестидесятыхъ годовъ, во время эпохи „великихъ реформъ“. За истекшія 10 лѣтъ жизнь въ Бѣлоруссіи сильно эволюционировала, демократизировалась, что не могло не отразиться на бѣлорусской литературѣ. Эта послѣдняя росла, развивалась, и періодъ общественнаго подъема былъ періодомъ подъема и для нея. Лишь только начались послабленія, вызванныя севастопольской войной, какъ она выдвинулась впередъ во главѣ съ уже упомянутымъ В. Марцинкевичемъ.

Родился онъ въ 1808 г. въ семьѣ мелкаго арендатора, дѣтство провелъ на родинѣ, въ Бобруйскомъ уѣздѣ Минской губ. Затѣмъ, окончивъ въ Бобруйскѣ средне-учебное заведеніе, нѣкоторое время пробылъ въ виленской базилянской коллегіи и въ петербургскомъ университетѣ. Уйдя изъ послѣдняго, долго служилъ въ различныхъ минскихъ канцеляріяхъ, пока въ 1858 г. не кинулъ службу и не обосновался въ еще раньше купленномъ имѣніи Люцинкѣ (подъ Минскомъ), гдѣ и умеръ въ 1885 г.

Къ первому произведенію Марцинкевича, пьесѣ „Sielan-ka“ знаменитый Монюшко написалъ музыку, и въ 1852, 1853 и 1855 гг. эту пьесу ставили съ большимъ успѣхомъ въ Минскѣ, что вновь проложило бѣлорусской рѣчи дорогу изъ деревни въ городъ. Вслѣдъ за этимъ начинается печ-

таться цѣлый рядъ бѣлорусскихъ поэмъ Марцинкевича¹⁾, которыя обрываются на 1859 г., такъ какъ цензурный до-смотръ къ тому времени уже усилился и переведенныя Мар-цинкевичемъ двѣ первыя пѣсни „Пана Тадеуша“ по выходѣ изъ типографіи были конфискованы. Съ тѣхъ поръ онъ уже ничего не печаталъ, хотя и продолжалъ писать: намъ извѣстно его стихотвореніе „Весна голод перѣпала“ и четыре комедіи.

Писатель грузный и тяжеловѣсный, сосредоточившійся исключительно на эпосѣ, Марцинкевичъ писалъ стихомъ неизящнымъ и неповоротливымъ, сплошь отступающимъ отъ требованій бѣлорусской просодіи (вліяніе польскихъ образцовъ). Можно даже сомнѣваться, былъ ли онъ вообще поэтомъ. Характерно, напримѣръ, что, проведя значи-тельную часть своей жизни въ деревнѣ, онъ совсѣмъ не чувствовалъ природы и не далъ ни одной картинки ея, хотя описывалъ исключительно сельскій бытъ. Впрочемъ, ему нельзя отказать въ знаніи бѣлорусской деревни и въ нѣ-которомъ изобразительномъ талантѣ, а изрѣдка и въ бой-кости письма. Наиболѣе полно эти достоинства проявились въ первой пѣснѣ поэмы „Нарон“, сохранившей и доселѣ извѣстный интересъ. Однако заслуги Марцинкевича передъ бѣлорусской литературой лежатъ все-же не въ области ху-дожественныхъ достиженій, а въ области чисто историче-ской. Онъ въ томъ демократизмѣ, который вѣялъ отъ сан-тиментально-народническихъ поэмъ Марцинкевича, въ той гуманизаторской тенденціи, которая явственно проступаетъ изъ каждой ихъ строки и которая была по своему времени очень не лишней. Наконецъ, отмѣтимъ, что, много писавъ и много печатая, онъ возбуждалъ вокругъ своихъ произве-деній разговоры и полемику, напоминалъ о существованіи бѣлорусскаго языка и зародышей бѣлорусской литературы, наводилъ на вопросъ о возможности ихъ дальнѣйшаго раз-витія. Неудивительно поэтому, что онъ сталъ центромъ бѣлорусскаго писательскаго кружка, въ составѣ котораго были лица, обладавшія гораздо болѣе крупнымъ талан-томъ.

Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть богато

¹⁾ „Нарон“ (1855 г.), „Wieczernice“ (1855 г.), „Kupała“ (1856 г. въ книгѣ „Ciekawijs?—pczczytaj!“), „Ščeroŭskije dažynki“ и „Wierż Nauma Pruhaworki“ (1857 г. въ книгѣ „Dudarz białoŭski“), „Pan Tadeusz“ (1859 г.), двѣ первыя пѣсни. Нынѣ все переиздано.

одареннаго „краеваго“ поэта Владислава Сырокомлю (Кондратовича), нѣкогда популярнаго и въ Россіи. Извѣстный исключительно своими польскими произведеніями, онъ, однако, много писалъ и по-бѣлорусски¹⁾, но не могъ закрѣпить въ печати эту послѣднюю сторону своего творчества (за исключеніемъ революціоннаго стихотворенія „Заходзиць сонцэ“). Всѣ его бѣлорусскія рукописи и понынѣ ждутъ своего издателя. Киркоръ указывалъ, что пѣсни Сырокомли теперь поются въ Бѣлоруссіи наряду съ народными. Немало бѣлорусскихъ стихотвореній оставилъ и талантливый послѣдователь Сырокомли польскій поэтъ Винцукъ Коротыньскій; однако, они, за исключеніемъ одного, не были напечатаны. Еще больше писалъ по-бѣлорусски Артемъ Верига-Даревскій, нигдѣ не печатавшійся. Изъ крупнѣйшихъ его произведеній извѣстны переводъ „Конрада Валенрода“ Мицкевича, поэма „Братомъ Литвіномъ“, юмористическія повѣсти „Повротъ Михалка“, „Быхоу“, „Гуторка з плендроуки на зямлі Латышской“ и т. д. Современники ставили ихъ очень высоко. Продолжая обзоръ, укажемъ, что упомянутый уже нами извѣстный мѣстный ученый А. Киркоръ писалъ для народа популярныя бѣлорусскія брошюры, но напечатать ихъ не имѣлъ возможности. Точно также почти не печатались, хотя и писали на бѣлорусскомъ языкѣ, поэты Ялеги Францишь Вуль, Н. Короткевичъ, Юліанъ Лясковскій, Якубъ Т-ки, Юліанъ Мрочекъ и мн. др. Не вдаваясь въ детальную оцѣнку ихъ творчества, подчеркнемъ все-же, что со времени сороковыхъ годовъ бѣлорусская письменность значительно продвинулась впередъ. Кругозоръ ея, безспорно, расширился. Жизнь бѣлорусской деревни, скромные сельскіе пейзажи, простыя человѣческія чувства и переживанія, немудрая шутка,—все это нашло себѣ мѣсто на ея страницахъ. Столь же обычными стали демократическія и національно-бѣлорусскія тенденціи, достигавшія иной разъ яркости и остроты исключительной. Наконецъ, эволюціонировала самая форма произведеній, хотя отсутствіе у бѣлорусскихъ писателей достойныхъ образцовъ сказывалось очень ощутительно.

Быль использованъ въ эту эпоху бѣлорусскій языкъ и для цѣлей чисто-практическихъ. Въ 1862 г. вышелъ „Elementarz dla dobrychъ dzietokъ katolików“ (Варшава), употреблявшійся въ частныхъ сельскихъ школахъ. Появились

¹⁾ Наприм., либретто для оперы извѣст. музык. Лопатинскаго и проч.

и бѣлорусскія изданія, исходившія изъ правительственныхъ круговъ¹). Польскіе повстанцы 1863 г. въ свою очередь выпустили рядъ изданій на бѣлорусскомъ языкѣ. Таковы „Мужыцкая прауда“, „Гуторка стараго дзеда“, „Перэдсьмертныи разговоръ пустѣльника Петра“ и т. д. К. Калиновскій издавалъ въ Бѣлостокѣ даже бѣлорусскую газетку „Нутогка“ (стихотворную), подписываясь псевдонимомъ „Ясько гаспадар с пад Вільні“. Тогда-то возникъ интересъ къ бѣлоруссамъ и среди русскаго общества. „Мы виновны передъ вами... Мы, русское общество, какъ-будто забыли про существованіе Бѣлоруссіи“,—писалъ славянофильскій „День“ и проектировалъ изданіе газеты на бѣлорусскомъ языкѣ. Однако, газета не появилась, а правительство официально воспретило бѣлорусскія театральныя представленія и бѣлорусскія книги, за исключеніемъ этнографическихъ. Въ результатѣ бѣлорусская литература была снова пригнана, снова обречена на прозябаніе въ рукописяхъ. Въ такомъ состояніи она просуществовала цѣлыхъ 15 лѣтъ²).

За это время Бѣлоруссія сильно эволюціонировала. Въ ней появилось новое поколѣніе интеллигенціи, выросшее подъ знакомъ народничества, знакомившееся съ социализмомъ и кое-когда вновь обнаруживавшее зачатки бѣлорусскаго національнаго самосознанія. Сильно развилась бѣлорусская этнографія. Появился рядъ сборниковъ народнаго творчества, составленныхъ Гильфердингомъ, Дмитриевымъ, Безсоновымъ, Шейномъ, Дембовецкимъ, Романовымъ и т. д. Былъ изданъ бѣлорусскій словарь Ив. Носовича, емкостью въ 30 тыс. словъ. Росла и бѣлорусская рукописная беллетристика; продолжали работать многіе прежніе писатели, къ нимъ присоединился рядъ новыхъ,—напримѣръ, Хвѣлька изъ Рукшэницъ (Феликсъ Топчевскій), ви-тебчанинъ, изъ многочисленныхъ стихотвореній котораго считаются лучшими „Господыня“, „Саусім на тое, што было“, „Вечерынка“ и т. д.; Ольгердъ Обуховичъ, жившій въ

¹ „Разказы на бѣлорусскомъ нарѣчїи“ (1863 г.), изд. Виленск. учебн. округа. „Бясѣда стараго вольника зъ новыми, пра ихнае дзѣло“, Могилевъ, 1861 г., издано по распоряженію губернатора. Книжка разъясняетъ отъѣну крѣпостнаго права. На ту же тему написаны два огромныя стихотворенія Блуса въ „Могил. Губ. Вѣдом“, 1861 г.

² Въ теченіе ихъ появились въ печати лишь книжечки „Про богатство ды бѣдность“ (Женева, 1881, пер. съ украинскаго), „Pan Tadeusz“, перев. А. І., ч. I, 1882 г., и нѣсколько бѣлорусскихъ сценокъ Гр. Кулжинскаго (въ 70-хъ годахъ).

Слущкѣ и оставившій кромѣ массы оригинальныхъ стихотвореній переводы изъ Мицкевича, Сырокомли, Лермонтова; Апанась Кисель, могилевецъ, писавшій прозу и стихи; Янъ Шеметь-Полочанскій; Егалковскій и проч.; въ социалистическомъ духѣ писалъ Адамъ Гурыновичъ (въ началѣ 90-хъ годовъ).

Къ концу 80-хъ годовъ бѣлорусскія произведенія стали вновь появляться въ печати на страницахъ мѣстныхъ газетъ, „Календаря Сѣверо-Западнаго Края“ и даже отдѣльными книжками. Былъ перепечатанъ, напримѣръ, „Гапонъ“ Марцинкевича, вышелъ рядъ изданій „Тараса на Парнасе“ и т. д. Изъ новыхъ произведеній, печатавшихся въ то время, отмѣтимъ шуточную поэму Шункевича „Сыцяпанъ и Тацяна“ и, въ особенности, стихотворенія Янки Лучыны (Ив. Неслуховскаго). Немногочисленные, но тщательно обработанные, они выдѣляются своей литературностью и несомнѣнной талантливостью. Темы ихъ разнообразны, въ содержаніи проступаютъ народническія и національныя тенденціи. Эти тенденціи могли уже найти себѣ откликъ среди мѣстной интеллигенціи, особенно среди народническихъ кружковъ, бѣлорусскихъ студенческихъ землячествъ и т. п. Одно изъ нихъ (московское) перевело и издало въ 1891 г. рассказъ Гаршина „Сигналь“. Около того же времени группа бѣлоруссовъ-соціалистовъ начала выпускать нелегальную газету „Гомон“. Въ томъ же 1891 г. въ Галиціи вышла книжка стихотвореній Мацея Бурачка „Дудка белоруская“, а въ 1894 г. въ Познани сборничекъ Сымона Реукі „Смык белорускі“. И то, и другое принадлежало перу интереснаго бѣлорусскаго дѣятеля Францишка Богушэвича.

Родился онъ въ 1840 г., учился въ петербургскомъ университетѣ, былъ въ Бѣлоруссіи народнымъ учителемъ. Принималъ участіе въ возстаніи 1863 г., былъ раненъ. Окончивъ затѣмъ въ Нѣжинѣ юридическій факультетъ, занимался судебною дѣятельностью въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а подъ конецъ жизни—въ Вильнѣ. Умеръ Богушэвичъ въ 1898 г. Его произведенія, глубоко проникнутыя національнымъ и демократическимъ духомъ, не блещутъ изяществомъ отдѣлки, но зато отличаются большой энергіей выраженія. Стихъ его простъ и суровъ; изрѣдка эта суровость смѣняется юморомъ. Въ предисловіяхъ къ своимъ книжкамъ Богушэвичъ едва ли не первый явился проповѣдникомъ всесторонняго національнаго возрожденія бѣло-

руссовъ, доказывая, что они представляютъ отдѣльный, самостоятельный народъ.

Въ тѣхъ же девяностыхъ годахъ выступилъ съ рядомъ руссифицированныхъ бѣлорусскихъ разсказовъ не лишенный таланта А. Пщелко¹⁾, а вслѣдъ за нимъ М. Н. Косичъ (перев. басень Крылова, разсказъ „На пираеялення“ и т. п.). Одновременно съ нимъ напечаталъ рядъ популярныхъ брошюръ А. Ельскій. Были и еще кое-какія изданія. Такъ бѣлорусская литература вошла въ XX столѣтіе.

Къ этому времени въ краѣ появился цѣлый рядъ національныхъ и политическихъ теченій и организацій. Начали возникать подобныя же бѣлорусскіе кружки. Одинъ изъ нихъ сыгралъ въ бѣлорусскомъ возрожденіи большую роль, породивъ умѣренное „Общество бѣлорусскаго народнаго просвѣщенія“ и „Белоруски революційны союзы“, возникшіе въ 1902—3 гг. Первое проявило себя изданіемъ журнальчиковъ-однодневокъ „Калядная читанка“ и „Великодная читанка“. Изъ другихъ фактовъ „культурнической“ дѣятельности отмѣтимъ изданіе сборничка стихотвореній Я. Лучыны „Вязанка“ (для цензуры названъ болгарскимъ); выпускъ въ Краковѣ нѣсколькихъ переводныхъ брошюрокъ Конопницкой, Ожешковой, Сенкевича („Wiedzma“. „Janka muzykant“ и т. д.); устройство въ Минскѣ, Петровщинѣ, Карлсбергѣ театральныхъ представленій (подъ флагомъ украинскихъ) и т. п. Въ то же время „Бел. Рѣв. Союзъ“, вскорѣ переименованный въ „Белорускую Соціалистичную Громаду“, издалъ при содѣйствіи Р. Р. С. рядъ брошюръ и воззваній,—напримѣръ, „Хто праудзивы прыяцель беднаго народу“, „Гуторка об тым, куды мужыцкіе грошы идуць“, „Песни“ и пр. Въ такомъ составѣ бѣлорусская литература очутилась на грани событій, начавшихъ исторію всѣхъ народовъ Россіи съ красной строки.

III.

1905 г. является вѣхой, отмѣчающей точку перелома въ исторіи бѣлорусскаго возрожденія. Событія, связанныя съ этимъ годомъ, создали въ народныхъ массахъ стремленіе разобраться въ окружающей жизни и вызвали лихорадочный спросъ на идеологическія цѣнности. Писать для этого массоваго читателя было необходимо прежде всего просто

¹⁾ Собраны въ книгахъ „Очерки и разск. изъ жизни бѣлор. деревни“ 1906 г., и „Очерки и разск. изъ жизни Бѣлоруссіи“, 1910 г., 2 изд.

и понятно, такъ что сама собой являлась мысль обратиться къ бѣлорусскому языку. Появились изданія „Бѣлорусской Соціалистичной Громады“, печатались по-бѣлорусски воззванія и нѣкоторыхъ другихъ партій²⁾, появилась и беллетристика съ яркой политической окраской. Среди этой послѣдней отмѣтимъ сборнички стихотвореній „Скрыжка бѣлоруская“ и „Хрѣст на свободу“. Изъ агитаціонныхъ брошюръ Б. С. Г. можно назвать: „Чы будзе для усих земли“, „Што такое свобода“, „Як зрабиць каб людзям стало добрѣ на сьвеци“, „Як мужыку палешыць свое жиццѣ“ и т. п. Наконецъ, на исходѣ 1906 г. въ Вильнѣ появилась первая легальная бѣлорусская газета „Наша Доля“ ярко радикальной окраски. На седьмомъ номерѣ она была закрыта. Однако, въ это время уже началъ выходить новый еженедѣльникъ „Наша Нiва“ (Вильна), державшійся болѣе умѣреннаго направленія и сосредоточившій на себѣ всѣ бѣлорусскія національныя чаянiя. Еще раньше группа бѣлоруссовъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, основала издательское товарищество „Загляне сонцэ і у нашэ ваконцэ“ и принялась за выпускъ учебниковъ, произведеній нѣкоторыхъ новыхъ, а также и старыхъ бѣлорусскихъ писателей (Бурачка, Марцинкевича, Купалы) и т. п. Эта культурная дѣятельность какъ петербургскихъ, такъ и виленскихъ бѣлоруссовъ нашла себѣ сочувственный откликъ и поддержку. Волна общественнаго возбужденія къ этому времени уже схлынула и Россiя вступила во всѣмъ еще памятную полосу реакціи. Въ эту пору „Наша Нiва“ вела неустанную просвѣтительную работу. Ставя своей цѣлью всестороннее возрожденіе бѣлорусской народной культуры и, слѣдовательно, твердо стоя на опредѣленной демократической позиціи, она пробила себѣ дорогу въ самые глухіе уголки Бѣлоруссіи, въ самые темные слои населенія. Для многихъ тысячъ людей она явилась первой газетой, прочитанной ими, первымъ источникомъ знанія, не носившаго казенной печати, изложеннаго простымъ и яснымъ языкомъ. Къ бѣлорусскому крестьянину, сжившемуся съ мыслью, что онъ—хамъ, а его „мова“—хамская, „Наша Нiва“ печатно обратилась на этой „мове“, вызывая въ немъ тѣмъ самымъ уваженіе и къ ней, и къ себѣ самому, пробуждая въ немъ чувство собственнаго достоинства. Въ

²⁾ Изъ не-революціонныхъ изданій назовемъ брошюры „Аб чим у нас цяпер гаманяць“, Борисовъ, 1906 г., 2 изд., и „Hutaraka ab tom, jakaja taja byc Ziamla i Wola“, 1906 г., стихотворный разсказъ г. А. У.

бѣлорусскомъ краѣ, истерзанномъ національной борьбой, „Наша Нiва“ неустанно напоминала о необходимости чтить права каждаго народа, цѣнить всякую культуру и, закрѣпляя свои національные устои, широко пользоваться пріобрѣтеніями культуры какъ польской, такъ и великорусской и украинской. Это, а также и многое другое, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, учитывая значеніе скромной еженедѣльной бѣлорусской газетки, размѣромъ въ одинъ печатный листъ.

Вотъ уже девятый годъ работаетъ „Наша Нiва“ въ этомъ направленіи. Она подверглась неоднократнымъ конфискаціямъ, редакторъ отсиживалъ въ тюрьмѣ, воспрещалось чтеніе ея и для военныхъ, и для духовенства, и для народныхъ учителей, и для учениковъ учительскихъ семинарій и еще для цѣлаго ряда лицъ. Субсидируемая русская пресса травила ее, утверждая, что она издается на польскія деньги для ослабленія въ краѣ великорусскихъ позицій и для подготовки почвы къ ополяченію его. Въ свою очередь органы польскаго шовинистическаго націонализма видятъ въ ней тонкое средство для обрусенія бѣлоруссовъ-католиковъ, созданное на деньги казны. Но все это не сломило энергіи издателей „Нашей Нiвы“ и не смогло задержать развитіе бѣлорусскаго движенія. Въ настоящее время „Наша Нiва“ идетъ въ крестьянство какъ ни одинъ органъ цѣлаго края. Со всѣхъ сторонъ въ нее льются писанные неискусной рукой крестьянина-бѣлорусса корреспонденціи, стихи, рассказы, статьи. Разросшійся сельскохозяйственный отдѣлъ привелъ къ возникновенію спеціальнаго ежемѣсячника „Саха“ (Минскъ, 3-й годъ изд.). Для бѣлоруссовъ-католиковъ издается латинскимъ шрифтомъ еженедѣльникъ „WieŃagus“ ¹⁾ (Вильна), для бѣлорусской молодежи — ежемѣсячникъ „Лучынка“ (Минскъ), для интеллигентныхъ читателей — литературно-публицистическіе сборники „Маладая Беларусь“ (С.-Петербургъ ²⁾). Пять лѣтъ какъ уже выходитъ „Беларускі календар Нашае Нiвы“ (10.000 экз.), получившій на сельскохозяйственныхъ выставкахъ рядъ медалей и похвальныхъ отзы-

¹⁾ Его клерикальный характеръ является нѣкоторымъ диссонансомъ въ бѣлорусской печати. Впрочемъ, „WieŃagus“у, не чужды ни національныя, ни демократическія тенденціи ея, хотя проявляются онѣ у него въ болѣе умѣренной формѣ.

²⁾ Въ 1914 г. началъ выходить органъ бѣлорусскаго студенчества „Раніца“. Появились однодневки: въ 1912 г. въ Вильнѣ „Крапіва“ (юмор.), а въ концѣ 1914 г. тамъ же другая однодневка (для помощи жертвамъ войны.)

вовъ, а со стороны прессы,—даже черносотенной,—самую высокую оцѣнку. Наконецъ, на еврейскомъ языкѣ выходитъ журналъ „Литва“ (Вильна), специально посвященный литовскому и бѣлорусскому возрожденію. Основанъ цѣлый рядъ книгоиздательствъ („Загляне сонцэ і у нашэ ваконцэ“, „Наша Хата“, „Полачанін“, „Беларускае выдавецкае таварыства“ и т. д.), выпустившихъ уже немало книгъ, число экземпляровъ которыхъ превышаетъ четверть милліона.

Однако, литературной производительностью бѣлорусское движеніе, конечно, не исчерпывается. Слѣдуетъ отмѣтить, на примѣръ, возникновеніе въ Вильнѣ бѣлорусскаго музыкально-драматическаго кружка, занявшагося развитіемъ бѣлорусской сцены, пѣсни, музыки, танца. Не ограничиваясь выступленіями въ Вильнѣ, труппа кружка съ большимъ успѣхомъ объѣздила всю Бѣлоруссію, побывавъ едва ли не въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ городскомъ или сельскомъ центрѣ. Нерѣдки и самостоятельно организованныя сценическія представленія на мѣстахъ, встрѣчающіяся все чаще и чаще. Въ заключеніе упомянемъ о возникновеніи научныхъ кружковъ для изслѣдованія Бѣлоруссіи (С.-Петербургъ, Нов. Александрія), о собираніи бѣлорусскаго національнаго музея, объ основаніи собственныхъ книжныхъ магазиновъ, подготовительной работѣ къ устройству бѣлорусскихъ школъ (неофициальныхъ) и проч., и проч. Благодаря всему этому бѣлорусскій языкъ начинаетъ проникать въ обиходъ культурнаго общества; имъ, на примѣръ, пользуются при торговыхъ сношеніяхъ, при устройствѣ выставокъ, для костельной проповѣди и т. п. Но главное значеніе всего описаннаго состоитъ не въ этомъ. Оно состоитъ въ народженіи бѣлорусской народной интеллигенціи, вызванной къ жизни событіями 1905 г. и формировавшейся подъ вліяніемъ неустанныхъ усилій бѣлорусскихъ изданій дать ей возможность стать на ноги. Теперь она, наконецъ, выросла и окрѣпла. Крестьянинъ съ особой духовной закваской, рабочій, иной разъ народный учитель,—вотъ кто входитъ въ ея составъ. Все это люди дѣла, а не слова, люди, являющіеся неразрывной частью народа, не перерѣзавшіе соединительной пуповины между нимъ и собой. Съ другой стороны, это люди, для которыхъ только одинъ языкъ дорогъ, близокъ и понятенъ—языкъ бѣлорусскій. Это люди, которые не дѣлаютъ надъ собой насилія, не стѣсняютъ работу своей мысли, обращаясь къ нему, а, напротивъ, ступаютъ тѣмъ самымъ на нахоженную тропинку, хо-

рошо наѣзженную колею. Опираясь на эту интеллигенцію, бѣлорусское движеніе начинаетъ чувствовать подъ собою прочный грунтъ. Ибо она-то и является основнымъ читательскимъ ядромъ для бѣлорусскихъ изданій, она же несетъ на своихъ плечахъ крупнѣйшую часть и самой писательской работы. Чтобы представить себѣ, какой массовый характеръ имѣетъ это участіе народной интеллигенции въ литературѣ, достаточно узнать, что одна „Наша Ніва“ въ 1910 г. помѣстила 666 корреспонденцій изъ 320 мѣстъ, 69 рассказовъ 30 различныхъ авторовъ, 112 стихотвореній 24 поэтовъ и рядъ публицистическихъ статей, принадлежавшихъ, помимо силъ самой редакціи, перу 32 лицъ. Присмотримся же ближе къ наиболее виднымъ представителямъ этой литературы, интересной не только тѣмъ, что она идетъ въ народъ, но и тѣмъ, что она идетъ изъ народа.

**
*

До сихъ поръ въ бѣлорусской литературѣ, какъ это постоянно встрѣчается у начинающихъ возрождаться народовъ, главную роль еще продолжаетъ играть поэзія. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе фигура Янки Купалы, писателя съ крупными достоинствами, хотя и носящими нѣсколько односторонній характеръ. Первоначально рабочій на деревенскомъ винокуренномъ заводѣ, Купала сразу же выдвинулся своею первою книгою стиховъ („Жалейка“, 1908 г.) и съ тѣхъ поръ продолжаетъ приковывать къ себѣ вниманіе бѣлорусскаго читателя. Правда, необработанные, хаотическіе стихи „Жалейки“ производятъ впечатлѣніе скорѣе своими темами, всегда ярко гражданского направленія, чѣмъ довольно слабыми художественными достоинствами. Однако, уже въ этой книгѣ нѣкоторыя мѣста заставляли видѣть въ Купалѣ богато одареннаго поэта, лишь не умѣющаго использовать какъ слѣдуетъ свой незаурядный талантъ. „Адвечная песьня“—лирическая драма, вышедшая въ 1910 г.,—еще опредѣленнѣе указывала на талантъ Купалы. Находясь въ несомнѣнной идейной связи со стихотвореніями „Жалейки“, она, безспорно, художественнѣе ихъ и оставляетъ, благодаря своей цѣльности и выдержанности, болѣе глубокой слѣдъ въ душѣ читателя. Изданный въ томъ же 1910 году сборникъ стиховъ „Нуслар“ показалъ, кромѣ того, что дарованіе Купалы способно эволюціонировать, расширять кругъ своихъ темъ, совершен-

ствовать свои творческіе приемы. Однако, въ полной мѣрѣ это сказалось лишь въ послѣдней, лучшей книгѣ неудержимо развивающагося бѣлорусскаго поэта, а именно въ сборникѣ „Шляхамъ жицьця“ (1913 г.). Кромѣ того, перу Купалы принадлежатъ „Паулінка“, драма изъ сельской жизни, написанная хорошей прозой, и лирическая драма „Сон на кургане“; изданы онѣ сравнительно недавно.

Необыкновенная ритмичность—вотъ главная, всеподчиняющая особенность Купалы. Его буйные, стремительные ритмы захватываютъ, гипнотизируютъ читателя, не даютъ ему задержаться, опомниться, покоряютъ его своей власти. Ими обусловлены и всѣ достоинства, равно какъ и недостатки разбираемыхъ стиховъ. Богатство приемъ, яркихъ и полновзвучныхъ, звенящихъ не только на концѣ, но и посрединѣ строкъ, удивительно звучный подборъ словъ, энергія выражений,—все это характерно для поэзіи Купалы. Но характерно для нея и отсутствіе точности эпитета, ясности фразы, четкой оформленности самого стихотворенія въ цѣломъ, ибо все это приносится въ жертву звучности и ритмичности. Лишь въ послѣдніе годы дѣятельности Купалы эти недостатки начали исчезать, и въ лицѣ его началъ вырисовываться не только „Божіей милостію поэтъ“, но и умѣлый мастеръ своего дѣла, расширяющій кругъ своихъ темъ, формъ и стилей, искусно работающій надъ общей архитектурой произведенія, конструкціей строфы, комбинаціями приемъ и т. п.

Несомнѣннымъ талантомъ обладаетъ и Якубъ Колось, бывший народный учитель, печатающійся по-бѣлорусски еще съ 1906 г. Книжка его стихотвореній „Песьні жалбы“ вышла въ 1910 г., а позднѣйшія произведенія разбросаны на страницахъ различныхъ бѣлорусскихъ изданій. Многими сторонами своего творчества онъ напоминаетъ Никитина. Это писатель простой, спокойный и всегда себѣ равный. Нѣтъ у него чего-нибудь особенно сильнаго, яркаго, неожиданнаго, но нѣтъ и слабаго, никчемнаго. Стихъ его не блещетъ крупными достоинствами, но всегда старательно обдуманъ и умѣло обработанъ. Крестьянская жизнь, ея тяжесть, поэзія труда, сельскіе пейзажи, національно-гражданскіе мотивы, тюремное одиночество ¹⁾,—этимъ и ограничивается весь кругозоръ его скромной поэзіи. Но столько въ ней любви къ

¹⁾ Колось пробывъ три года въ тюрьмѣ за участіе въ „Бѣлорусскомъ учительскомъ союзѣ“.

родному краю, столько неподдѣльнаго, тихаго лиризма, что становится вполне понятной популярность Колоса среди бѣлорусскихъ читателей.

Въ обзорахъ бѣлорусской литературы къ именамъ этихъ двухъ поэтовъ принято присоединять и мое. Часть принадлежащихъ мнѣ стихотвореній составила вышедшій въ 1913 г. сборникъ „Вянок“. Конечно, съ моей стороны умѣстна лишь характеристика, но не оцѣнка ихъ. Отмѣчу поэтому, что мое творчество было направлено главнымъ образомъ на расширеніе круга темъ и формъ бѣлорусской поэзіи.

Изъ другихъ бѣлорусскихъ поэтовъ въ самостоятельную величину начинаетъ вырабатываться Алесь Гарунъ (крестьянинъ, столяръ), нашедшій свои особые ритмы и время отъ времени радующій насъ изящной оригинальностью стиха²⁾. Рѣзко индивидуальную физиономію имѣютъ немногочисленные произведенія К. Каганца³⁾ (лѣсникъ), отъ которыхъ вѣетъ языческой Русью. Довольно своеобразны и хороши изрѣдка появляющіяся стихотворенія Цѣтки (М. Крапіука), близкія многими своими сторонами къ народному творчеству. На темахъ, касающихся любви, сосредоточилась К. Буйло („Курганная ветка“), пишущая не очень яркіе, но гладкіе стихи. Въ юмористическомъ родѣ работает А. Павловичъ (сб. „Снапок“, 1910 г.). Упомянемъ еще Будзьку, Гурло (крестьянинъ), Ц. Гартнаго (рабочій-кожевникъ), Ф. Чернышевича (крестьянинъ), Л. Лобика (крестьянинъ), Янука Д. (крестьянинъ), К. Арла (народный учитель), Я. Журбу (народный учитель) и т. д. Внимательный читатель найдетъ много интереснаго въ ихъ не всегда искусной, но всегда безыскусственной поэзіи, темы которой продиктованы окружающей жизнью.

Переходя къ беллетристамъ-прозаикамъ, остановимся прежде всего на Я д в и г и н ѣ Ш. Сынъ мелкаго землевладельца, онъ еще въ концѣ 80-хъ годовъ принималъ участіе въ бѣлорусскомъ движеніи, будучи студентомъ московскаго университета. Исключенный оттуда за участіе въ студенческихъ волненіяхъ, вернулся на родину и началъ писать по-

²⁾ За послѣднее время выдвигается впередъ г. Ясакоръ—поэтъ со стихомъ выразительнымъ и эргичнымъ, но нѣсколько риторическимъ.

³⁾ См. выше.

бѣлорусски (ком. „Злодзей“, разск. „У судзе“ и т. п.). Когда окрѣпла бѣлорусская печать, писательская дѣятельность Ядвига Ш. развернулась шире, и онъ быстро завоевалъ себѣ популярность среди бѣлорусскихъ читателей. Произведенія его собраны въ книжкахъ „Дзед Завала“ (поэма, 1909 г.), „Бязозка“ (сб. разск., 1912 г.), „Василькі“ (сб. разск., 1914 г.).

Въ творествѣ Ядвига Ш. преобладають небольшіе рассказы басеннаго склада, обычно содержащіе въ себѣ простое или упрощенное рѣшеніе какой-либо житейской проблемы. Соотвѣтственно этому Ядвига Ш. широко пользуется аллегоріей и охотно обращается при выборѣ дѣйствующихъ лицъ къ міру животныхъ. Но онъ такъ знаетъ и любитъ этотъ міръ, такъ умѣло и мѣтко подбираетъ черты для характеристики своихъ героевъ, что всѣ его звѣри и птицы становятся вполне индивидуальными фигурами. Неподдѣльный юморъ и достоинства языка, всегда живого и колоритнаго, еще болѣе скрашиваютъ рассказы Ядвига Ш. Наконецъ, есть у него нѣсколько вещицъ и патетическаго характера, намѣчающихъ новую сторону въ талантѣ этого своеобразнаго писателя.

Еще сильнѣе сказался патетическій элементъ въ произведеніяхъ Власта. Крестьянинъ-самоучка, съ ранняго дѣтства принужденный вести тяжелую борьбу за кусокъ хлѣба, онъ сумѣлъ достигнуть разносторонняго образованія и развитъ свое тонкое чувство красоты. Какъ это на первый взглядъ ни удивительно, Власть началъ съ произведеній, написанныхъ въ духѣ польскаго модернизма. Впрочемъ, постороннія вліянія вскорѣ исчезли, и талантъ Власта обнаружилъ свое истинное лицо. Онъ не плодovitъ, но его немногочисленные рассказы всегда полны чувства глубокаго и волнующаго, мысли тревожной и значительной, всегда отличались рѣдкостнымъ разнообразіемъ темъ и стилей.

Т. Гушча изображаетъ въ своихъ очеркахъ повседневную жизнь бѣлорусской деревни. Неглубокіе по замыслу, они отличаются правдивостью и естественностью рисунка, оживленностью діалога, льющагося всегда легко и свободно. Умѣетъ Т. Гушча найти и трогательныя, и прочувствованныя слова, и окрашенныя юмористическимъ колоритомъ. Часть его рассказовъ собрана въ книжечкахъ „Т. Гушча. Апаведанья“ (1912 г.), „Прапау чэлабек“ (1914 г.), „Нѣману дар“ (1914 г.), „Тоустае палена“ (1914 г.), „Родныя зьявы“ (1914 г.).

Своеобразны рассказы З. Бядули, частью вошедшіе въ сборникъ „Z. Biadula. Abrazki“ (1913 г.). Съ мрачнымъ юморомъ изображаетъ онъ невеселую бѣлорусскую жизнь и стремится уйти отъ нея въ фантастическій, сказочный міръ. Именно какъ фантастъ и интересенъ З. Бядула. Полны глубокаго, потрясающаго чувства и истиннаго символизма рассказы безвременно погибшаго С. Полуяна († 8 апр. 1910 г.). Лирическимъ подъемомъ отличаются и немногочисленныя вещицы П. Простаго („Якім Бяздолны“, 1914 г.), написанныя сильнымъ, взволнованнымъ языкомъ, приближающимся къ стихотворной рѣчи. Бойко и живо сработаны рассказы Галубка, проникнутые незатѣйливымъ юморомъ. Изъ другихъ беллетристовъ назовемъ Н. Новича, Лѣсика, Жывицу и проч. Наконецъ, въ сферѣ публицистики и критики, а иной разъ и научной работы много сдѣлали инициаторъ и руководитель „Нашей Нивы“ А. Новина, мѣстный экономистъ А. Влазовъ, уже упомянутый нами Власть (книга „Гісторыя Беларусі“ и рядъ статей), Ив. Луцкевичъ, критикъ и библиографъ Р. Земкевичъ, А. Бульба, С. Полуянъ, І. Маньковскій, Ю. Верэшчака, Л. Гмыракъ, Максимъ Бѣлоруссъ, иначе Максимъ Гарэцкій („Рунь“, 1914 г.) и мн. друг. Характеристика cadaго изъ нихъ въ отдѣльности затруднительна, но не упомянуть о нихъ нельзя. Вѣдь именно благодаря ихъ стойкости и самоотверженію бѣлорусское движеніе, нашедшее нынѣ твердую опору въ широкихъ кадрахъ народной интеллигенціи, выдержало всю тяжесть первыхъ годовъ своего существованія, приобрѣло свой теперешній идейный обликъ и не крупными, но глубокими, нестираемыми буквами врѣзало свое имя на скрижаляхъ міроваго прогресса.

М. Богдановичъ.

Post scriptum.

Очеркъ мой, написанный въ іюль 1914 г., заканчивается какъ-разъ тѣмъ моментомъ, вслѣдъ за которымъ разразилась война. Въ Бѣлоруссіи ея вліяніе было гораздо болѣе ощутительнымъ, чѣмъ въ центральной Россіи. Это сказалося и на бѣлорусскомъ движеніи: его главная опора, національно-сознательная молодежь, оказалась подъ ружьемъ, въ выходѣ нѣкоторыхъ органовъ печати созданъ перерывъ, изданіе книгъ приостановилось, прекратились шаги къ со-

зданію бѣлорусскаго научнаго общества и т. п. Нынѣ это глухое время приходитъ къ концу, и мы, оглядываясь на него, можемъ отмѣтить нѣсколько достойныхъ вниманія явленій, обозначившихся болѣе или менѣе ясно.

Еще раньше въ бѣлорусской печати указывались такого рода факты, какъ полученіе торговыми фирмами корреспонденціи на бѣлорусскомъ языкѣ, возрастающей съ каждымъ годомъ, или какъ изданіе ими по-бѣлорусски преіскурантовъ, появленіе бѣлорусскихъ каталоговъ на кустарной выставкѣ и т. п. Очевидно, уже начинало формироваться сознаніе, что бѣлорусская рѣчь можетъ по праву войти въ мѣстный общественный оборотъ.

Во время войны наличность такого сознанія сказалась гораздо болѣе опредѣленно. Въ вызванныхъ ею общественныхъ организаціяхъ (Вильна, Минскъ) представителямъ бѣлорусскаго движенія было отведено мѣсто на-ряду съ представителями остальныхъ національныхъ формаций этого многоплеменнаго края; всякаго рода воззванія, отчеты, извѣщенія этихъ организацій печатаются на пяти мѣстныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на бѣлорусскомъ; на пяти же языкахъ были изданы въ Вильнѣ въ день благотворительнаго сбора газеты-однодневки, среди нихъ — бѣлорусская. Все это показываетъ, что въ сознаніи мѣстнаго общества бѣлорусскій народъ не *tabula rasa*, а самостоятельная національная величина, бѣлорусское же движеніе—живая культурно-общественная сила. Вотъ одинъ изъ результатовъ бѣлорусской національной работы, который вскрытъ войной и который мы желали бы подчеркнуть.

М. Б.

B0000002480 177